

КОНСТАНТИН КАЗЕНИН, МАКСИМ МУРАКАЕВ

Влияние религии на рождаемость: обзор современных демографических исследований

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-9-49>

Konstantin Kazenin, Maksim Murakaev

The Role of Religion for Fertility: An Overview of Contemporary Studies

Konstantin Kazenin — RANEPa; Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia). konstantinkazenin@gmail.com

Maksim Murakaev — HSE University (Moscow, Russia). murakayev993@gmail.com

The paper observes key results of the studies of the relationship between religion and fertility in Europe and North America during the last five decades, when this problem attracted serious interest from demographers. Three central hypotheses about this relationship are discussed: the “characteristics hypothesis,” the “norms hypothesis” and the “minorities hypothesis.” Empirical data which initially supported each of these hypotheses are presented. The paper then gives a brief overview of fertility trends in Europe and North America in the second half of the twentieth — the beginning of the twenty-first centuries. It is shown that the focus of studies of fertility-to-religion relation changed considerably in the process of the “second demographic

Статья отражает результаты исследования, выполненного в рамках государственного задания РАНХиГС. Исследование М. Муракаева осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Разделы 1 и 2.1 написаны К. Казениным, разделы 2.2 и 2.3 — совместно К. Казениным и М. Муракаевым.

transition”, a complex transformation of values and family patterns in economically developed countries in the last third of the twentieth century. The focus of research shifted accordingly from fertility differences between religions/denominations to the role of personal religiosity as a variable. Then we overview the results of quantitative studies focused on the role of personal religiosity as a factor in both actual fertility and fertility intentions.

Keywords: religion, fertility, Europe, North America, demographic transition.

ЦЕЛЬ настоящего обзора — дать читателю представление об основных проблемах, рассматриваемых в исследованиях значения религиозных факторов для рождаемости в последние десятилетия, и о ключевых результатах этих исследований. Обзор состоит из двух частей. В первой части рассматриваются работы, посвященные возможным механизмам влияния религии на рождаемость. Во второй части речь об идет об исследованиях связи рождаемости и религии в странах Европы и Северной Америки, где на сегодняшний день эта проблематика исследована наиболее подробно.

1. Влияние религии на рождаемость: основные гипотезы

По-видимому, первым серьезным шагом в демографическом исследовании вопроса о том, как именно религия может стать фактором, значимым для рождаемости, была книга К. Гольдшайдера, вышедшая в 1971 г.¹ В ней обсуждаются три гипотезы о том, с чем могут быть связаны различия по рождаемости между группами населения разных вероисповеданий: (1) «гипотеза характеристик» (*characteristics hypothesis*) предполагает, что влияние религии на рождаемость иллюзорно, так как различия по рождаемости между религиозными группами в действительности связаны с их различиями по социально-демографическим характеристикам, значимым для рождаемости (таким, как уровень образования, материальный достаток, соотношение городских и сельских жителей и т.д.); (2) «гипотеза норм» (*norms hypoth-*

1. Goldscheider, C. (1971) *Population, Modernization, and Social Structure*. Boston: Little, Brown and Company.

esis) объясняет различия по рождаемости особенностями ценностей и норм поведения, устанавливаемыми религиозными доктринами, например акцентом на важность семьи и на многодетность; (3) «гипотеза меньшинств» (*minority status hypothesis*) предполагает, что у религиозных групп, составляющих меньшинство в стране или регионе, репродуктивное поведение будет иметь те же особенности, которые наблюдаются и у этнических меньшинств (подробнее см. ниже).

«Гипотеза характеристик» базируется на накопленном в демографии значительном объеме знаний о том, как рождаемость варьирует в зависимости от различных социально-демографических характеристик женщин и их семей. Например, исследования большого количества стран указывают на то, что рождаемость в сельской местности в целом регулярно выше, чем в городах; также весьма распространенной в современном мире является тенденция к более низкой рождаемости в более образованных группах населения и группах населения с более высокими доходами². Если последователи двух разных конфессий различаются по доле среди них сельского населения или, например, по доле имеющих высшее образование, то различия между конфессиями по рождаемости можно объяснить различиями по указанным параметрам, не возводя их к собственно религиозным факторам. Например, анализируя различия по рождаемости между последователями индуизма и христианами в Индии конца XX в., Н. Джонсон³ обнаруживает, что в большинстве штатов для объяснения этих различий не требуется учет религиозных факторов: представители двух религий различаются там по социально-демографическим параметрам, и именно этими различиями предсказываются и различия между ними по рождаемости.

Во многих других случаях, однако, «гипотеза характеристик» оказывается несостоятельной. Это имеет место в первую очередь тогда, когда представители разных религий или конфессий отличаются по рождаемости при одних и тех же социально-демографических характеристиках. Так, сопоставление рождаемости среди арабов-мусульман и арабов-христиан в Израиле в 1960-е — 1980-е гг. показывает, что рождаемость у первых выше, причем

2. Вишнеvский А. Г. Время демографических перемен. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015. С. 42–65.
3. Johnson, N. E. (1993) "Hindu and Christian Fertility in India: A Test of Three Hypotheses", *Social Biology* 40(1–2): 87–105.

сохраняется этот контраст и в случае, если учитывать только женщин с университетским образованием⁴. Такие случаи заставляют предположить, что различиями религиозных групп только по их социальным признакам невозможно объяснить различия по рождаемости между ними.

Когда межконфессиональные различия по рождаемости не могут быть объяснены «гипотезой характеристик», для исследователя естественно обратиться к «*гипотезе норм*». Для применения этой гипотезы важно, какими именно религиозными нормами предполагается объяснять межконфессиональные различия по рождаемости. Иногда состав этих норм понимается предельно узко: принимаются во внимание только нормы, касающиеся контроля рождаемости. Например, более высокую рождаемость католиков по сравнению с протестантами в середине XX в. в ряде стран, в которых присутствуют обе эти конфессии (США, Северная Ирландия), исследователи объясняют негативным отношением Католической церкви к использованию контрацепции, из-за которого эффективный контроль рождаемости среди католиков распространился позже, чем среди протестантов (подробнее см. раздел 2 настоящей статьи).

Вопрос о том, как та или иная религия относится к контролю рождаемости, не всегда прост. Одна из трудностей при исследовании этого вопроса состоит в том, что в реальных условиях распространенность практик планирования семьи зависит не от взглядов на них внутри данной конфессии в целом — среди ее лидеров, в базовых религиозных текстах и т.д., а от позиции тех религиозных авторитетов, с которыми верующие поддерживают непосредственные контакты. Такая ситуация наблюдается, например, в африканском государстве Малави⁵. Представленные там конфессии различаются по степени одобрения средств планирования семьи: меньше всего одобряющих ее среди католического духовенства, больше всего — среди лидеров мусульман и пятидесятников. Однако на рядовых верующих эти различия не «проецируются»: разница между разными конфессиями по доле использующих контрацепцию среди верующих статистически незначима. Наоборот, отношение к планированию се-

4. Goldscheider, C. (2006) "Religion, Family, and Fertility: What do We Know Historically and Comparatively?", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 41–57. Springer.
5. Yeatman, S. E., Trinitapoli, J. (2008) "Beyond Denomination: The Relationship Between Religion and Family Planning in Rural Malawi", *Demographic Research* 19: 1851–1882.

мы предстоятеля той конкретной религиозной общины, службы которой женщина посещает, существенно влияет на вероятность применения женщиной средств планирования семьи.

Во многих случаях состав религиозных норм, значимых для репродуктивного поведения населения, касается далеко не только вопросов контроля рождаемости. Например, поддержку высокой рождаемости в некоторых религиозных группах могут оказывать нормы, касающиеся гендерных отношений. Проведенные в США в 1980-е — 1990-е гг. исследования показывают, что среди членов консервативных протестантских церквей доля работающих женщин, в том числе в молодых возрастах, существенно ниже, чем по стране в целом, что соответствует вероучению этих церквей, закрепляющему за женщиной преимущественно роль домохозяйки⁶. Если религиозная доктрина устанавливает жесткие гендерные асимметрии, в рамках которых работа женщины за пределами домохозяйства не приветствуется, эта доктрина, скорее всего, ведет и к более высокой рождаемости, поскольку ограничивает социальную роль женщин супружеством и материнством. В соответствии с этими ожиданиями, среди членов консервативных протестантских церквей в США рождаемость заметно превышает общестрановую⁷.

Независимо от того, какие именно религиозные нормы рассматриваются как существенные для рождаемости, применение «гипотезы норм» требует ответа на вопрос о том, в каких условиях вероучение становится фактором, способным влиять на репродуктивное поведение. Ключевым исследованием этой проблемы на сегодняшний день остается статья К. МакКвиллана⁸, где выделяется два типа ситуаций, в которых такое влияние наиболее вероятно. Во-первых, ориентацию на нормы религии в репродуктивном поведении следует ожидать в тех обществах, где религиозные структуры играют существенную социально-политическую роль, являются заметной организующей силой для населения. В качестве примеров автор рассматривает канадский

6. Lehrer, E. L. (1996) "Religion as a Determinant of Marital Fertility", *Journal of Population Economics* 9(2): 173–196; Sherkat, D. E. (2000) "That They be Keepers of the Home: The Effect of Conservative Religion on Early and Late Transition into Housewifery", *Review of Religious Research* 41(3): 344–358.
7. Marcum, J. P. (1981) "Explaining Fertility Differentials among U.S. Protestants", *Social Forces* 60(2): 532–543.
8. McQuillan, K. (2004) "When Does Religion Influence Fertility?", *Population and Development Review* 50(1): 25–56.

Квебек, где во второй половине XIX в., после подавления восстаний против французской метрополии, Католическая церковь была основным центром власти, контролировавшим все стороны жизни колонии, а также Ирландию XIX — начала XX вв., где местная католическая иерархия играла существенную организующую роль в борьбе против британских властей. И в Квебеке, и в Ирландии в указанные периоды не фиксировалось снижения рождаемости, наблюдавшееся в то время во многих христианских странах, в том числе в тех, где преобладало католическое население. Подтверждение действия этого механизма, выделенного МакКвилланом, можно найти в ряде работ, где показано, что стабильно высокая рождаемость сохраняется в современном мире в ряде конфессий, для которых характерны постоянная вовлеченность верующего в жизнь общины и развитые формы поддержки общиной своих членов. Примеры такого рода обнаруживаются в странах с очень разным уровнем социально-экономического развития: они включают, например, мормонов США⁹ и членов апостольских протестантских церквей в Мозамбике¹⁰. Во-вторых, как демонстрируется в статье МакКвиллана, религиозные нормы существенно влияют на репродуктивное поведение там, где религия становится важным компонентом идентичности всего населения или отдельных его групп. Это, согласно МакКвиллану, особенно ожидаемо в поликонфессиональных обществах, например, среди мусульман азиатских стран со смешанным религиозным составом населения (таких, как Индия, Филиппины, Малайзия).

Возможность использования «гипотезы меньшинств» для объяснения межконфессиональных различий по рождаемости существенным образом зависит от того, какое именно содержание получает эта гипотеза. В известной работе К. Гольдшайдера и П. Уленбека¹¹ об особенностях рождаемости среди этнических и религиозных меньшинств утверждается, что, если какое-либо меньшинство испытывает дискриминацию или трудности в интеграции в «большой» социум, это способствует снижению рождаемости в относящихся к этому меньшинству семьях. Такую законо-

9. Heaton, T. B. (1986) "How Does Religion Influence Fertility? The Case of the Mormons", *Journal for the Scientific Study of Religion* 25: 248–258.
10. Agadjanian, V., Yabiku, S. T. (2014) "Religious Affiliation and Fertility in a Sub-Saharan Context: Dynamic and Lifetime Perspectives", *Population Research and Policy Review* 33(5): 673–691.
11. Goldscheider, C., Uhlenberg, P. R. (1969) "Minority Group Status and Fertility", *American Journal of Sociology* 74(4): 361–372.

мерность авторы объясняют тем, что представители меньшинства мотивированы прилагать усилия к построению карьеры, достижению экономической состоятельности, укреплению социальных связей за пределами своей этноконфессиональной группы, для чего многодетность часто рассматривается как препятствие. Этим предлагалось объяснять, например, более низкую по сравнению с христианским населением рождаемость в еврейских общинах Западной Европы в XIX в.¹² Однако в других исследованиях обосновываются иные механизмы влияния статуса меньшинства на рождаемость, приводящие не к снижению, а, наоборот, повышению рождаемости среди религиозных меньшинств. Так, в работе Шелекенса и ван Поппеля¹³ показано, что одним из факторов, повышающих рождаемость в католической общине Гааги во второй половине XIX в., была интенсивность социальных связей внутри нее, характерная для меньшинств. Интенсивные контакты между представителями меньшинства способствовали успешному распространению среди них репродуктивных норм, соответствующих учению Католической церкви. Известны также случаи, когда высокой рождаемости способствует стремление представителей меньшинств увеличить численность своего сообщества, чтобы укрепить его позиции в каком-либо межэтническом или межконфессиональном конфликте или просто придать ему больший «вес» в стране. В этом состоит, в частности, одно из объяснений более высокой рождаемости мусульманского меньшинства по сравнению с буддистским большинством в Таиланде, наблюдаемой в последние десятилетия XX в.¹⁴ В целом, таким образом, на сегодня уместнее говорить не столько о «гипотезе меньшинств», содержащей какие-то конкретные ожидания о влиянии статуса меньшинства на рождаемость, сколько о факторе меньшинств, который может иметь разнообразную связь с репродуктивным поведением.

Обратимся теперь к тем описанным в литературе механизмам влияния религиозных факторов на рождаемость, которые не соотносятся с тремя обсуждаемыми выше гипотезами.

12. Goldscheider, C. (1967) "Fertility of the Jews", *Demography* 4(1): 196–209.
13. Schellekens, J., van Poppel, F. (2006) "Religious Differentials in Marital Fertility in The Hague (Netherlands), 1860–1909", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 59–81. Springer.
14. Knodel, J. E., Gray, R. S., Sriwatcharin, P., Peracca, S. (1999) "Religion and Reproduction: Muslims in Buddhist Thailand", *Population Studies* 53(2): 149–164.

Один из таких механизмов состоит в распространении репродуктивных «инноваций» через религиозные общины. Особый интерес такие случаи представляют потому, что роль религиозных общин в распространении новых представлений о репродуктивном поведении может быть вовсе не связана с доктринами тех конфессий, к которым общины принадлежат. Как показывают многочисленные исследования, важным условием для изменений представлений и норм, касающихся рождаемости, является наличие каналов коммуникации, через которые новые нормы может воспринять значительное количество населения. Обычно активное применение контроля рождаемости и установка на уменьшение числа детей сначала наблюдаются в довольно узких социальных группах — как правило, среди наиболее образованной части населения¹⁵. Только в случае если такие группы имеют возможность «транслировать» эти нормы и представления более широким социальным слоям, возможны изменения репродуктивного поведения в обществе в целом¹⁶. Специальных исследований роли религиозных общин в этом процессе пока немного, но в некоторых работах демонстрируется, что контакты между женщинами разного уровня образования в религиозных общинах могут стимулировать распространение «новых» стандартов репродуктивного поведения. Например, как показано в исследовании В. Агаджаняна¹⁷, в Мозамбике в 1990-е гг. использование современных средств контрацепции было более распространено среди женщин-католичек и женщин, принадлежащих к основным течениям протестантизма (англиканству, баптизму, пресвитерианству), чем среди нецерковных женщин и женщин — членов протестантских церквей местной традиции. Автор при этом замечает, что католические общины и общины крупных протестантских течений в Мозамбике были в этот период внутренне неоднородны по уровню образования своих членов. Соответственно, через контакты с более образованными прихожанками женщины в таких общинах

15. Montgomery, M., Casterline, J., Heiland, F. (1998) *Social Networks and the Diffusion of Fertility Control*. New York, NY: Population Council.

16. О роли социальных контактов в распространении планирования семьи см. Bongaarts, J., Watkins, S.C. (1996) "Social Interaction and Contemporary Fertility Transition", *Population and Development Review* 22: 639–682; Montgomery, R., Casterline J.B. (1996) "Social Learning, Social Influence, and New Models of Fertility", *Population and Development Review* 22: 151–175.

17. Agadjanian, V. (2001) "Religion, Social Milieu, and the Contraceptive Revolution", *Population Studies* 55(2): 135–148.

могут усваивать современные представления, касающиеся репродуктивных практик. Шансов на это гораздо меньше в «местных» протестантских церквях, которые представляют собой весьма замкнутые общины и объединяют в основном людей с низким образовательным уровнем. В подтверждение такого объяснения, по данным количественного опроса, среди женщин, принадлежащих к «местным» протестантским церквям, значительно ниже доля тех, кто сообщил, что когда-либо обсуждал с другими женщинами вопросы планирования семьи. Тем самым католические общины оказываются благоприятной средой для распространения идей о контроле рождаемости, несмотря на в целом более негативное отношение Католической церкви к этим идеям по сравнению с рядом других конфессий, присутствующих в стране.

Еще один возможный путь влияния религии на рождаемость, рассматриваемый в литературе, связан с фактором религиозного воспитания, которое человек получает в семье. На сегодня в демографии хорошо известно, что представления об «идеальном» количестве детей, о наилучшем возрасте вступления в брак и деторождения и т. д., усвоенные в подростковом возрасте (в период так называемой ранней социализации), впоследствии могут оказывать существенное влияние на репродуктивное поведение индивида, укрепив влияние на него религиозных норм. В частности, роль этого фактора убедительно продемонстрирована на примере рождаемости мигрантов из стран Азии и Африки в Западной Европе¹⁸. Как можно предположить на этом фоне, подростки, воспитанные в религиозных семьях, во взрослой жизни будут более жестко следовать нормам репродуктивного поведения, согласным с соответствующим вероучением. Работ, эмпирически проверяющих такое предположение, пока немного. Имеющиеся исследования показывают, что подтверждается оно не всегда, а в некоторых случаях наблюдается даже обратный эффект: пониженная рождаемость у тех, кто получил воспитание в духе религии, доктрина которой подчеркивает важность деторождения. Примером может служить работа П. Бранас-Гарца и С. Нойман¹⁹, в которой на основе крупного международного опроса *International Social Survey Program: Religion* (1998) для Испании и Италии делается довольно неожиданный

18. Ср., например, Kulu, H., Milewski, N., Hannemann, T., Mikolaj, J. (2019) "A Decade of Life-Course Research on Fertility of Immigrants and Their Descendants in Europe", *Demographic Research* 40: 1345–1374.

19. Brañas-Garza, P., Neuman, S. (2007) "Parental Religiosity and Daughter's Fertility: the Case of Catholics in Southern Europe", *Review of Economics of Household* 5: 305–327.

вывод, что у женщин этих стран, находившихся на момент опроса в репродуктивном возрасте, число родившихся детей имеет значимую негативную связь со степенью религиозности матери. Очевидно, что проблема межпоколенческой передачи религиозных норм и ее влияния на рождаемость еще ждет своего изучения.

2. Рождаемость и религия в развитых странах во второй половине XX — начале XXI вв.: обзор исследований

В данном разделе рассматриваются основные исследования по влиянию религиозных факторов на рождаемость в странах Европы и Северной Америки во второй половине XX — начале XXI вв. Такой выбор стран и периода для рассмотрения в настоящей вводной статье оправдан несколькими причинами. Прежде всего, именно для указанных стран и указанного периода вопрос о роли религиозных факторов для репродуктивного поведения населения изучен наиболее детально. Кроме того, имеющиеся исследования дают редкую возможность проследить изменение роли религии — а во многом и изменение фокуса внимания демографов при изучении этой роли — в период значительной социально-демографической «турбулентности». Дело в том, что, как будет показано ниже, именно в это время практически во всех развитых странах мира имели место значительные перемены в сфере брачности и рождаемости. Эти перемены не сводились к изменению каких-либо количественных параметров, характеризующих вступление в брак и рождение детей, а затрагивали базовые ценностные ориентиры, влияющие на брачно-репродуктивное поведение, а также делали его более индивидуализированным, «освобождали» от существовавших ранее достаточно жестких стандартов. Одновременно с такими переменами — и, видимо, во многом вследствие их — менялась и проблематика исследований влияния религии на рождаемость. Если еще в 1960-е — 1980-е гг. демографами, изучающими влияние религии на рождаемость среди своих современников, основное внимание уделялось различиям по рождаемости между конфессиями, то в более поздних исследованиях фокус смещался к влиянию личной религиозности на рождаемость. Тем самым мы имеем яркий пример того, как научная проблематика существенно смещалась вслед за изменениями социальной реальности, с которой она связана.

Данный раздел статьи построен следующим образом. Сначала, для понимания контекста рассматриваемых исследований, дано

краткое описание изменений рождаемости в развитых странах в указанный период. Далее рассматриваются основные исследования влияния религии на рождаемость, выполненные в 1960-е — 1980-е гг., а затем — более поздние исследования, которые в большей степени учитывали «новую реальность» Второго демографического перехода.

2.1. Динамика рождаемости в странах Европы и Северной Америки (краткий обзор)

К середине XX в. страны Западной и Северной Европы, США, Канада, а также Австралия завершили этап демографических изменений, обычно называемый Первым демографическим переходом. Основным признаком Первого демографического перехода является снижение рождаемости примерно до уровня 2–2,2 ребенка на одну женщину, то есть до уровня, минимально необходимого для воспроизводства населения. В перечисленных странах и регионах мира поступательное снижение рождаемости началось в разное время (раньше всего, видимо, во Франции — в первой половине XIX в.), однако почти все они достигли уровня простого воспроизводства или, по крайней мере, приблизились к нему перед началом Второй Мировой войны²⁰. Поскольку в других частях мира рождаемость на тот момент была существенно выше, развитые страны в середине XX в. оказались мировыми «аутсайдерами» по этому параметру. Причинам Первого демографического перехода посвящено много исследований. Демографы в целом сходятся на том, что снижение рождаемости было во многом обусловлено индустриализацией и массовым переселением в города. Новая социально-экономическая реальность способствовала существенному изменению взглядов на деторождение: экономическая выгода от большого количества детей, характерная для экстенсивного сельского хозяйства, исчезала, и одновременно росли ожидаемые издержки родителей на воспитание детей (в частности, из-за повышающегося в условиях индустриализации значения образования)²¹.

20. Бродбери С., О'Рурк К. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни (пер. с англ.). М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 336–344; Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. С. 179–183.

21. Notestein, F. W. (1945) "Population: The Long View", in Th. W. Schultz (ed.) *Food for the World*, pp. 36–57. Chicago: University of Chicago Press.; Coale, A., Watkins, S. C.

Первый демографический переход стал возможен благодаря широкому внедрению контроля рождаемости. Как отмечает один из наиболее известных исследователей Первого демографического перехода Э. Коул²², снижение рождаемости не могло бы осуществиться в столь серьезных масштабах, если бы использование контрацепции было морально неодобряемо в обществе. В связи с этим отмечалось, что темпы Первого демографического перехода в странах Западной Европы и в США существенно зависели от степени секуляризации этих стран (или отдельных их частей) во второй половине XIX — первой половине XX в., а также от позиции церквей по вопросу ограничения рождаемости. Например, Р. Лестэг²³ отмечает, что медленное снижение рождаемости в южных провинциях Нидерландов связывалось с сильными позициями Католической церкви, негативно относившейся к ограничению рождаемости, в образовательных учреждениях и СМИ этих провинций вплоть до середины XX века. Напротив, раннее начало и быстрый темп Первого демографического перехода во Франции объяснялись, согласно Лестэгу, интенсивными процессами секуляризации и снижения авторитета Католической церкви, начавшимися во времена Великой Французской революции (последующие периоды реакции не смогли обратить начавшийся процесс снижения рождаемости вспять). Быстрое осуществление Первого демографического перехода наблюдалось и в тех странах, где церкви не выступали против использования средств контроля рождаемости (как протестантские церкви Скандинавии).

Кроме контроля и снижения рождаемости, другими признаками «либерализации» семейной жизни Первый демографический переход в целом не сопровождался. Так, низким оставался процент внебрачной рождаемости. Не «подрывал» Первый демографический переход и традиционное, глубоко асимметричное разделение гендерных ролей в семье, закреплявшее за женщиной роль матери и «хранительницы очага», а за мужчиной — роль «добытчика» (*breadwinner*). Не менялись по странам и такие характеристики, как возраст женщин

(eds) (1986) *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton University Press, Princeton.

22. Coale, A.J. (1973) "The Demographic Transition", *Proceedings of the IUSSP Conference*, pp. 177–211. Liege: Ordina Editionis; см. также Crook, N. (1978) "On Social Norms and Fertility Decline", *The Journal of Development Studies* 14(4): 198–210.

23. Lesthaeghe, R. (1980) "On the Social Control of Human Reproduction", *Population and Development Review* 6(4): 527–548.

и мужчин при вступлении в брак и при рождении первого ребенка, доля женщин и мужчин, ни разу не состоявших в браке до 50 лет (так называемый «процент окончательного безбрачия»), и т. д.

После окончания Второй мировой войны в странах Западной и Северной Европы и в «англосаксонских» странах за пределами Старого Света наблюдалось явление, хорошо известное под названием «беби-бум». Этот послевоенный подъем рождаемости, в ряде стран сопровождавшийся также ее «омоложением», то есть снижением среднего возраста матери при рождении первого ребенка, как традиционно считается, был связан с желанием как можно скорее «наверстать» деторождения, отложенные из-за мировой войны. Однако более детальные исследования показывают, что причины этого явления были более сложны и, возможно, до сегодняшнего дня остаются не до конца понятными²⁴. В частности, современные исследования показывают, что значительный «вклад» в беби-бум внесли женщины, имеющие высокий уровень образования, поскольку послевоенные изменения в социальной сфере существенно расширили для них возможности сочетать материнство и карьеру²⁵. Наблюдались и межконфессиональные различия: было показано, что в США среди католиков повышение рождаемости во время беби-бума было более заметным, чем среди протестантов²⁶. В странах Южной, Центральной и Восточной Европы явления, аналогичного беби-буму, в послевоенное время не наблюдалось: в этих странах снижение рождаемости, соответствующее Первому демографическому переходу, началось позже, чем в Западной и Северной Европе, и к уровню простого воспроизводства рождаемость в этих странах в основном подошла только в 1960-е — 1970-е гг.²⁷. Именно с этого времени появились основания говорить о завершении Первого демографического перехода в абсолютном большинстве европейских стран.

24. Van Bavel, J. Reher, D. D. (2013) "The Baby Boom and Its Causes: What We Know and What We Do Not Know", *Population and Development Review* 39(2): 257–288.

25. Van Bavel, J., et al. (2018) "Seeding the Gender Revolution: Women's Education and Cohort Fertility Among the Baby Boom Generations", *Population Studies* 72(3):283–304.

26. Burch, T. K. (1966) "The Fertility of North American Catholics: A Comparative Overview", *Demography* 3: 174–187.

27. Демографическая модернизация России: 1990–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое Издательство, 2006. С. 163–168.

Однако уже с конца 1960-х гг. в ряде стран Европы и в Северной Америке начался новый этап демографических изменений, получивший название Второго демографического перехода²⁸. От Первого демографического перехода он отличался не только составом меняющихся демографических показателей и характером их изменений, но и теми социальными сдвигами, с которыми этот переход связывали исследователи. В демографическом отношении под Вторым демографическим переходом понимается совокупность следующих изменений:

- снижение рождаемости до уровня существенно ниже двух детей на одну женщину (т. е. ниже уровня простого воспроизводства);
- повышение возраста вступления в брак, а также возраста матери при рождении первого ребенка (в 2000-е гг. практически во всех развитых странах этот показатель превысил 25 лет, а в некоторых, как, например, в Испании, вплотную приблизился к 30 годам);
- распространение бездетности как сознательного решения, в том числе у людей, состоящих в браке;
- «либерализация» в сфере брака: рост распространенности незарегистрированных партнерств, увеличение частоты разводов и внебрачной рождаемости (то есть доли детей, рожденных женщинами, которые не момент рождения ребенка не состояли в браке).

Исследователи, введшие понятие Второго демографического перехода, подчеркивали, что эти количественные изменения стали результатом изменений в сфере ценностей и социального регулирования. Ключевые из этих ценностных изменений:

- рост значения «постматериалистических» ценностей (ценностей личной свободы, самореализации, психологического комфорта) как ориентиров при принятии человеком важных жизненных решений;
- либерализация норм общественной морали, включая сексуальное поведение;

28. Lesthaeghe, R. (1995) "The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation", in O. Mason, A.-M. Jensen (eds) *Gender and Family Change in Industrialized Countries*, pp. 17–62. Oxford, Clarendon Press; Lesthaeghe, R. (2010) "The Unfolding Story of the Second Demographic Transition", *Population and Development Review* 36(2): 211–251; Surkyn, J., Lesthaeghe, R. (2004) "Values Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update", *Demographic Research* 3(3): 45–86; Van De Kaa, D. J. (1987) "Europe's Second Demographic Transition", *Population Bulletin* 42(1): 1–59.

— углубляющаяся секуляризация общества, продолжающееся снижение доли адептов традиционных для развитых стран церквей среди населения²⁹;

— ослабление гендерных асимметрий в обществе и в семье, рост экономической независимости женщин;

— снижение зависимости индивида от сообществ различных типов, рост индивидуализма и свободы выбора различных жизненных траекторий.

Демографические изменения, соответствующие Второму демографическому переходу, происходили в странах развитого мира не синхронно. На рис. 1–4 это показано на примере рождаемости, в таблице 1 — на примере доли внебрачных рождений. «Пионерами» Второго демографического перехода были страны Северной Европы, где уже в первой половине 1970-х суммарный коэффициент рождаемости³⁰ упал до уровня ниже двух детей на одну женщину, а также начался заметный рост внебрачной рождаемости. В США и странах Западной Европы аналогичные изменения в основном произошли в 1970–1980-е гг. Страны Южной Европы несколько «отстали» со Вторым демографическим переходом: снижение рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства там имело место в 1980-е гг., а заметный рост внебрачной рождаемости начался только в 2000-е гг. и отличался особой стремительностью в католических странах³¹. Интересно,

29. П. Норрис и Р. Инглхарт (Norris, P., Inglehart, R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University) отмечают двукратное снижение доли регулярно посещающих богослужения христианских церквей во второй половине 1990-х по сравнению с 1970-ми гг. во Франции, Бельгии, Нидерландах, Германии и Италии.

30. Суммарный коэффициент рождаемости (или коэффициент суммарной рождаемости; *total fertility rate* — TFR) — основной используемый в демографии индикатор репродуктивной активности населения по периодам (обычно годам). Он представляет собой сумму возрастных коэффициентов рождаемости (то есть отношений числа детей, рожденных женщинами определенного возраста, к среднегодовой численности женщин этого возраста) для всех возрастов женщин от 15 до 49 лет. Суммарный коэффициент рождаемости — это условная величина, показывающая, сколько детей родилось бы у женщины, если бы во всех возрастах она имела уровень рождаемости, который наблюдался в исследуемом году. Данный показатель стандартно используется в исследованиях динамики рождаемости, несмотря на то, что демографы достаточно давно обратили внимание на трудности, возникающие в определенных случаях при интерпретации его изменений; ср. Bhrolcháin, M. N. (1992) “Period paramount?”, *Population and Development Review* 18(4): 599–629.

31. По-видимому, повышенная «скорость» Второго демографического перехода, особенно в части роста внебрачных рождений, характерна для стран, в которых исторически преобладало католическое население, так же и в других частях мира, включая Латинскую Америку; ср. Esteve, A., Lesthaeghe, R., López-Gay, A. (2012)

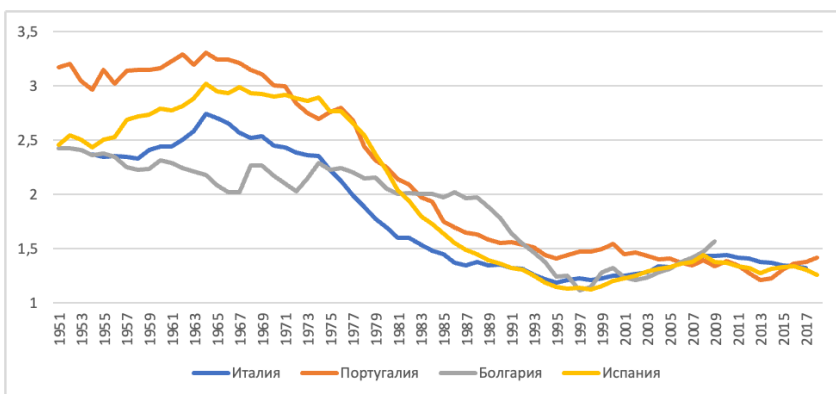
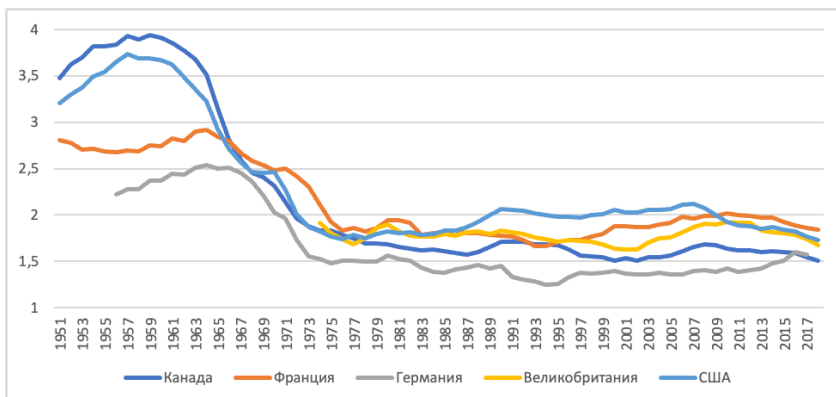
что «отстающей» по роли внебрачных рождений остается Греция, но не другие православные страны Южной Европы (ср. рост внебрачной рождаемости в Болгарии в таблице 1).

Что касается Второго демографического перехода в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, то в большинстве из этих стран его демографические компоненты стали наблюдаемы только в 1990-е гг., с падением тоталитарных режимов. Существенное снижение рождаемости в 1990-е гг. наблюдалось во всех без исключения посткоммунистических странах, тогда же там началось откладывание «старта» материнства к более старшим возрастам. Динамика внебрачной рождаемости, напротив, различалась от страны к стране. Например, в России и Польше ее рост был не таким внушительным, как в Чехии, Болгарии и Венгрии. Важно также отметить, что «ценностная» база Второго демографического перехода, первоначально обоснованная для стран Западной и Северной Европы, применительно к посткоммунистическим странам вызывает у исследователей определенные сомнения. В частности, снижение в них рождаемости и рост доли внебрачных рождений в 1990-е годы некоторые демографы объясняют не ростом индивидуализма и утверждением «постматериалистических» ценностей, а экономическими трудностями периода реформ и вызванной этими трудностями нестабильностью партнерских отношений³². Отметим также, что изменения в сфере брачности и рождаемости, соответствующие Второму демографическому переходу, в посткоммунистических странах шли не на фоне сокращения доли воцерковленного населения, а напротив, в условиях церковного возрождения, начавшегося после падения коммунистических режимов.

Рисунки 1–4 также показывают, что развитые страны различались по дальнейшей динамике рождаемости после ее снижения до уровня ниже простого воспроизводства. Однако «возвращение» к уровням, близким к двум детям на одну женщину, можно было наблюдать только в странах Северной Европы, в Великобритании, США и, на короткий период, в России.

“The Latin American Cohabitation Boom”, *Population and Development Review* 38(1): 55–81.

32. Coleman, D. (2004) “Why We Don’t Have to Believe Without Doubting in the “Second Demographic Transition — Some Agnostic Comments”, *Vienna Yearbook for Population Research* 2: 11–24; Perelli-Harris, B. (2011) “Non-Marital Fertility in Russia: Second Demographic Transition or Patterns of Disadvantage”, *Demography* 48(1): 317–342.

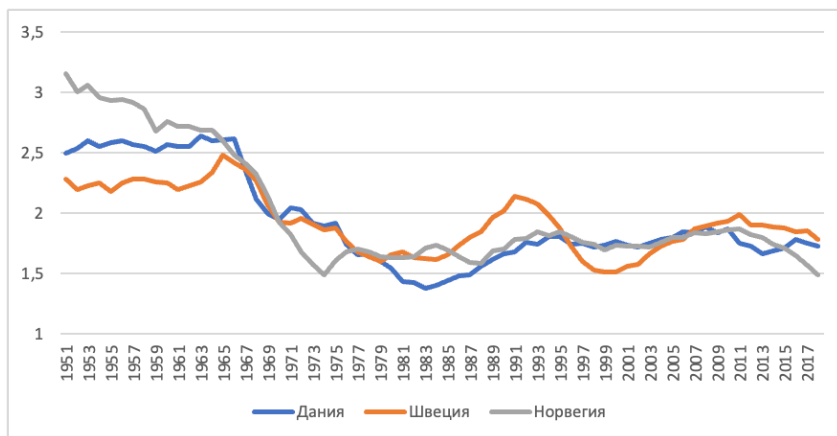

Рис. 3. Суммарные коэффициенты рождаемости в Дании, Норвегии и Швеции, 1951–2018 гг. (Источник: *Human Fertility Database*)

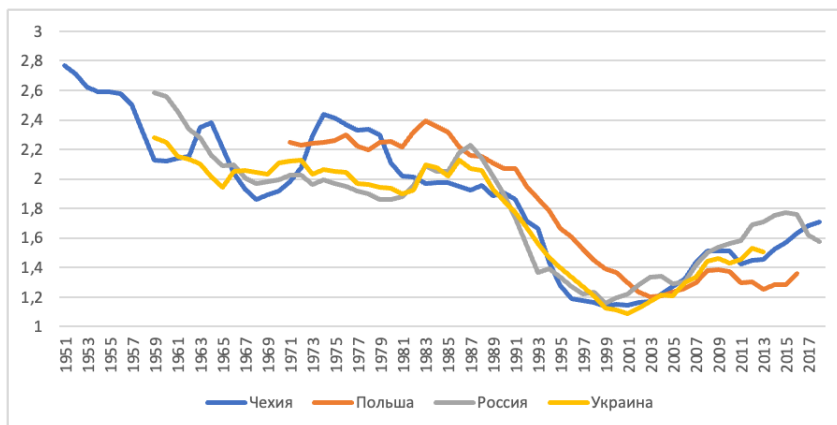

Рис. 4. Суммарные коэффициенты рождаемости в Польше, России, Украине и Чехии, 1951–2018 гг. (Источник: *Human Fertility Database*)

Таблица 1. Доля детей, рожденных женщинами, не состоявшими на момент рождения в зарегистрированном браке, среди всех рожденных детей в США и ряде стран Европы, 1970—2015, % (Источник: *Eurostat*, национальные статистические агентства)

	1970	1980	1990	2000	2010	2015
США	10,7	18,4	28,0	33,2	40,8	40,3
Великобритания	8,0	11,5	27,9	39,5	46,9	47,9
Германия	7,2	11,9	15,3	23,4	33,3	35,0
Нидерланды	2,1	4,1	11,4	24,9	44,3	49,8
Дания	11,0	33,2	46,4	44,6	47,3	53,8
Швеция	18,6	39,7	47,0	55,3	54,2	54,7
Италия	2,2	4,3	6,5	9,2	21,8	30,0
Испания	1,4	3,9	9,6	17,7	35,5	44,5
Греция	1,1	1,5	2,2	4,0	7,3	8,8
Россия	10,6	10,8	14,6	28,0	24,9	21,6
Чехия	5,4	5,6	8,6	21,8	40,3	47,8
Польша	5,0	4,8	6,2	12,1	20,6	24,6
Венгрия	5,4	7,1	13,1	29,0	40,8	47,9
Болгария	8,5	10,9	12,4	38,4	54,1	58,6

2.2. Исследования 1960-х — 1980-х гг.: различия по рождаемости между конфессиями

В 1960-е — 1980-е гг., исследуя влияние религии на современную им рождаемость, демографы главным образом концентрировались на межконфессиональных различиях по числу детей. Наиболее детально эти различия изучались для США; на исследованиях этой страны мы в основном и концентрируемся в данном разделе.

Первостепенный интерес исследователи проявляли к объяснению более высокой рождаемости среди католиков США по сравнению с протестантами в середине XX в.³³ Эти различия некоторые авторы связывали, в частности, с тем, что среди католиков в указанный период контрацепция была распространена мень-

33. Whelpton, P. K., Campbell, A. A., Patterson, J. E. (1966) *Fertility and Family Planning in the United States*. Princeton: Princeton University Press; Westoff, C., Potter, R. G., Jr., Sagi, P. C. (1964) "Some Selected Findings of the Princeton Fertility Study: 1963", *Demography* 1: 130–135.

ше, чем среди протестантов³⁴. Как отмечают Н. Райдер и Ч. Вестофф³⁵, в 1960-е гг. среди католиков ожидалось смягчение позиции Святого Престола по вопросу контроля рождаемости. Эти ожидания были обусловлены позицией ряда официальных богословов, предлагавших по крайней мере частично разрешить использование контрацепции. Энциклика папы Павла VI 1968 г., вопреки ожиданиям, подтвердила существовавший ранее запрет. Помимо отношения Католической церкви к контролю рождаемости, среди предлагавшихся объяснений более высокой рождаемости среди католиков — высокая ценность семьи и многодетности в католическом вероучении, а также распространенное среди католиков США восприятие своего сообщества в качестве меньшинства в стране (Day 1968³⁶; самосознанием меньшинства в других исследованиях объяснялась также повышенная рождаемость католиков в Северной Ирландии³⁷). Некоторые исследователи показывали, что повышенная рождаемость по сравнению с другими религиозными группами в середине XX в. была присуща не всему католическому населению Северной Америки. Так, Т. Бурч³⁸ демонстрирует, что стабильно более высокой рождаемостью по сравнению с остальным населением своих стран в тот период отличались католики США ирландского происхождения и католики французского происхождения в канадском Квебеке. Тем самым, наряду с собственно религиозными факторами, более высокая рождаемость могла объясняться традициями конкретных этнических или переселенческих сообществ.

Другой религиозной группой США, которая вызывала интерес исследователей из-за наблюдаемой в ней повышенной рождаемости, были мормоны. Рождаемость среди мормонов была выше, чем в целом по стране, как минимум с конца XIX века. По состоянию на середину 1980-х гг. она составляла более трех

34. См. Goldscheider, C., Mosher, W. D. (1991) "Patterns of Contraceptive Use in the United States: The Importance of Religious Factors", *Studies in Family Planning* 22(2): 102–115.

35. Ryder, N. B., Westoff, C. F. (1971) *Reproduction in the United States: 1965*. Princeton: Princeton University Press.

36. Day, L. H. (1968) "Natality and Ethnocentrism: Some Relationships Suggested by an Analysis of Catholic-Protestant Differentials", *Population Studies* 22: 27–50; см. раздел 1 настоящей статьи.

37. O'Grada, C., Walsh, B. (1995) "Fertility and Population in Ireland, North and South", *Population Studies* 49(2): 259–279.

38. Burch, T. K. (1966) "The Fertility of North American Catholics: A Comparative Overview", *Demography* 3: 174–187.

детей на одну женщину³⁹ (даже у католиков США уровень рождаемости в это же время оценивался в 2,4 ребенка на одну женщину). Этот феномен исследователи объясняли, с одной стороны, большим значением семьи в учении мормонов о спасении и вечной жизни, а с другой стороны — активными социальными связями, которые поддерживают друг с другом члены мормонских общин. Наличие таких социальных связей, как показал Б. Хитон, мотивирует членов общины следовать ее ценностям в репродуктивном поведении. Существенно, что отличия мормонов от остального населения США по рождаемости не могут быть объяснены какими-либо социально-экономическими факторами, стандартно используемыми для объяснения различий по рождаемости в духе «гипотезы характеристик»⁴⁰. О важности религиозной доктрины для рождаемости говорили и исследования ряда протестантских церквей США, в которых показана более высокая рождаемость среди приверженцев консервативных протестантских течений по сравнению с протестантским населением в целом⁴¹.

Большинство исследований межконфессиональных различий по рождаемости, выполненных в 1960-е — 1980-е гг., ориентировались на конфессиональное самоопределение респондентов как единственный параметр их религиозного поведения. Некоторые авторы, однако, демонстрировали недостаточность такого подхода. Например, У. Сандер⁴² показывает это на материале опроса жителей США 1910-х — 1940-х гг. рождения, в котором респонденты могли определить свою религиозность, отвечая на два вопроса — о своей принадлежности к какой-либо деноминации на момент опроса и о том, получили ли религиозное воспитание, и если да, то в рамках какой деноминации. Оказывается, что респонденты, получившие католическое воспитание, но не определившие себя как католики на момент опроса, отличаются большим числом детей, чем респонденты, не имеющие какого-либо отношения к Католической церкви; однако у респондентов, заявивших, что на момент опроса являются католи-

39. Heaton, T. B. "How Does Religion Influence Fertility? The Case of the Mormons".

40. Thornton, A. (1979) "Religion and Fertility: The Case of Mormonism", *Journal of Marriage and the Family* 41(1): 131–142.

41. Marcum, J. P. "Explaining fertility differentials among U.S. Protestants".

42. Sander, W. (1992) "Catholicism and the Economics of Fertility", *Population Studies* 46(3): 477–489.

ками, рождаемость оказалась, в свою очередь, значимо выше, чем у тех, кто только получил католическое воспитание, но на момент опроса к католикам себя не относил. Подобные результаты указывали на то, что стандартного маркера конфессиональной принадлежности при исследовании влияния религии на рождаемость недостаточно. Еще одним фактором, который заставил усложнить привычную в 1960-е — 1980-е гг. параметризацию по религиозной принадлежности, стало наличие семей, в которых муж и жена отличаются по вероисповеданию. Как показывает Э. Лерер⁴³, если представитель одной из деноминаций, отличающихся в США более высокой рождаемостью, создает семью с представителем какой-либо деноминации, рождаемость в которой не превышает общестрановую, число детей в такой семье оказывается ниже, чем в семье, где оба супруга — представители «высокорепродуктивной» деноминации.

Однако уже начиная со второй половины 1960-х гг. исследователи стали отмечать сокращение различий по рождаемости между католиками и протестантами США. В статье Ч. Вестоффа и Э. Джоунз под выразительным названием «Конец “католической” рождаемости»⁴⁴ сопоставляется число детей у женщин-католичек и женщин других самоопределений по религии в США через разное количество лет после брака (внебрачная рождаемость исключена из рассмотрения из-за ее крайне низкого распространения среди католиков). Среди женщин, вступивших в брак в США в 1950-х — первой половине 1960-х гг., рождаемость у католичек была заметно выше, чем у протестанток, однако у женщин, вступивших в брак во второй половине 1960-х гг. и позже, эти различия уже были заметно меньше.

Авторы видят две основные причины такой динамики. Во-первых, это распространение планирования семьи среди католиков. Приводятся некоторые свидетельства того, что имевшиеся с начала 1960-х годов в католической среде США ожидания «либерализации» взглядов Ватикана на планирование семьи сформировали у части католиков новые образцы поведения, от которых они

43. Lehrer, E. L. (1996) “Religion as a Determinant of Marital Fertility”, *Journal of Population Economics* 9(2): 173–196.

44. Westoff, C. F., Jones, E. F. (1979) “The End of ‘Catholic’ fertility”, *Demography* 76(2); о дальнейшем уменьшении рождаемости между католиками и протестантами США в 1980-е гг. см. Mosher, W. D., Williams, L. B., Johnson, D. P. (1992) “Religion and Fertility in the United States: New Patterns”, *Demography* 29(2): 199–214.

не отказались, когда стало ясно, что эти ожидания относительно позиции Святого Престола не подтверждаются (см. выше в данном разделе). Во-вторых, как полагают авторы, снижение различий по рождаемости могло быть связано с тем, что к 1970-м гг. культурная дистанция между американскими католиками и «мэйнстримом» американского социума оказалась меньше, чем когда-либо раньше. Авторы видят в этом результат ассимиляции католиков по характеристикам экономического поведения, расселения и т.д. (особенно большое значение авторы придают восприятию католиками социально-бытовых стандартов жизни «одноэтажной Америки» в пригородах крупных городов). В развитие полученных Вестоффом и Джоунз результатов, в исследовании их коллег⁴⁵ было показано, что оставшиеся в 1980-е гг. различия по рождаемости между католиками и всеми другими жителями США практически полностью объяснялись более высокой рождаемостью среди женщин-католичек латиноамериканского происхождения. То есть при существенном ослаблении межконфессиональных различий по рождаемости сохранялись различия, связанные с этническим происхождением, с культурными особенностями различных этнических сообществ внутри конфессий. Общее уменьшение «отрыва» католиков от других религиозных групп по рождаемости отмечалось в 1980-е гг. и для других стран, где широко представлены адепты как Католической, так и протестантских церквей, например, в Северной Ирландии⁴⁶.

Этот процесс шел в США параллельно с нарастанием различий по религиозному поведению внутри католической общины. Как показано в статье Л. Уильямс и Б. Циммера⁴⁷ на примере католического населения штата Род-Айленд, между 1967 и 1980 гг., в которых там были проведены опросы среди женщин-католичек, доля тех, кто регулярно посещает богослужение и получает причастие, существенно снизилась. Однако одновременно в 1980 г. (но не в 1967 г.) наблюдался контраст по числу рожденных детей между теми, кто сообщил, что соблюдает требования религии,

45. Mosher, W. D., Johnson, D. P., Horn, M. C. (1986) "Religion and Fertility in the United States: The Importance of Marriage Patterns and Hispanic Origin", *Demography* 23(3): 367–380.

46. O'Grada, C., Walsh, B. "Fertility and Population in Ireland, North and South".

47. Williams, L. B., Zimmer, B. G. (1990) "The Changing Influence of Religion on US fertility: Evidence from Rhode Island", *Demography* 27(3): 475–481.

и теми, кто лишь номинально причисляет себя к католикам или нерегулярно посещает богослужение: у первых число рожденных детей в среднем оказалось значимо выше⁴⁸. Результаты таких исследований позволяли предполагать, что со снижением собственно межконфессиональных различий по рождаемости роль религиозных факторов для репродуктивного поведения не исчезнет: на рождаемость, кроме конфессиональной принадлежности, начинают влиять параметры, связанные с личной религиозностью родителей. Эти ожидания подтвердились в ходе исследований рождаемости на новом этапе демографической истории Европы и Северной Америки, связанном со Вторым демографическим переходом.

2.3. Исследования 1990-х — 2010-х гг.: конфессиональная принадлежность, личная религиозность и рождаемость

В 1990-е гг. основные атрибуты Второго демографического перехода наблюдались уже практически во всех странах Европы и Северной Америки (см. раздел 1). Исследования рождаемости в контексте Второго демографического перехода продемонстрировали, что одновременно с ее снижением имела место значительная потеря единообразия репродуктивного поведения. Например, увеличивался «разброс» между женщинами по возрасту при рождении первого ребенка⁴⁹. Рождаемость все больше избавлялась от регулирования со стороны неформальных социальных норм, становясь сферой индивидуальных предпочтений. Однако одновременно «индивидуализация» имела место и в сфере религии. Как отмечено многими исследователями, в последние десятилетия XX в. в развитых странах шло усложнение системы религиозных идентичностей, которые более никак не могли быть описаны одной лишь принадлежностью к какой-либо церкви. Помимо того, что жители, причисляющие себя к одной и той же деноминации, все сильнее отличались друг от друга по степени соблюдения требований религии, в этот период социологи религии все активнее обсуждали феномен «веры без принадлежности» (*be-*

48. См. сходные выводы для других групп католиков США в Mosher, W., Hendershot, G. (1984) "Religion and Fertility: a Replication", *Demography* 21: 185–191.

49. Philipov, D. (2017) "Rising Dispersion of Age at First Birth in Europe: is It Related to Fertility Postponement?", *Vienna Institute of Demography Working Papers* 11.

lieving without belonging), то есть без постоянно поддерживаемых связей с какой-либо церковной общиной⁵⁰.

Важно отметить, что на фоне этой «индивидуализации» религиозной жизни демографы вовсе не считали бесспорным, что доля людей, причисляющих себя к полностью нерелигиозным, в развитых странах будет необратимо расти. Рассматривались различные сценарии, в том числе предполагавшие рост доли населения, сохраняющего элементы личной религиозности, в будущем⁵¹. В таком контексте вставал вопрос, сможет ли часть населения развитых стран, которая сохранила ту или иную связь с религией, «затормозить» падение рождаемости. Для этого необходимо было исследовать связь рождаемости не с формальной церковной принадлежностью, а с параметрами личной религиозности потенциальных родителей.

Личная религиозность и число рожденных детей

Прежде всего исследования показали, что в контексте Второго демографического перехода возросла значимость личной религиозности женщин для рождаемости. Личная религиозность в большинстве исследований «измерялась» частотой посещения богослужений. Также ее «маркерами» могли служить ответы женщин на вопрос о том, считают ли они религию важной частью своей жизни, считают ли себя верующими и т.д.

Одним из наиболее авторитетных исследований по данной теме является статья Т. Фрейки и Ч. Уэстоффа⁵², которая была написана на материале опроса European Values Survey, охватившего в 2000 г. 34 европейские страны, и опроса National Survey of Family Growth, проведенного в США в 2002 г. Сопоставление данных этих опросов показало, что в США женщины репродуктивного возраста на момент опросов в целом были более религиозны, чем их ровесницы в Европе. Первые превосходили вторых

50. Davie, G. (2002) "Praying Alone? Church-Going in Britain and Social Capital: a Reply to Steve Bruce", *Journal of Contemporary Religion* 17(3): 329–334; Lambert, Y. (2004) "A Turning Point in Religious Evolution in Europe", *Journal of Contemporary Religion* 19(1): 29–45.

51. Kaufmann, E. (2010) *Shall the Religious Inherit the Earth? Demography and Politics in the Twenty-First Century*. London: Profile Books; Kaufmann, E., Goujon, A., Skirbekk, V. (2012) "The End of Secularization in Europe? A Sociodemographic Perspective", *Sociology of Religion* 73: 69–91.

52. Frejka, T. & Westoff, Ch. (2008) "Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe", *European Journal of Population* 24(1): 5–31.

по большинству индикаторов религиозности, используемых авторами. Так, оказалось, что среди американок хотя бы раз в неделю церковь посещали 33% опрошенных, а в Европе — 15% (лишь в странах Южной Европы этот показатель был близок американскому). Положительный ответ на вопрос о том, важна ли религия в их повседневной жизни, дали 50% американок и только 16% жительниц европейских стран. И в Европе, и в США обнаруживалась положительная связь между основными параметрами религиозности женщины, с одной стороны, и количеством у нее детей на момент опроса, с другой. Эта связь в равной степени прослеживается для женщин всех основных христианских конфессий. При этом различия по рождаемости между конфессиями носили не столь яркий характер и были неодинаковы в исследуемых авторами частях мира.

В статье Н. Пери-Ротем⁵³ делается попытка проследить влияние религиозных факторов на фактическую рождаемость в меньшем количестве стран, но на достаточно длительном промежутке времени; исследуется рождаемость женщин разных конфессий, родившихся с 1930 по 1979 г. в Великобритании, Нидерландах и Франции. Исследование основано на опросе *British Household Panel Survey* для Великобритании и *Generations and Gender Program* для Нидерландов и Франции. Для каждой страны в анализ включается несколько «волн» этих опросов, охватывавших одних и тех же респондентов в интервале между 1991 и 2010 гг. Автор проводит различия между женщинами, относящими себя к какой-либо деноминации, но не посещающих регулярно богослужения, и теми, кто ходит в церковь с достаточной регулярностью (хотя бы раз в месяц). Исследуя итоговое число детей у женщин, закончивших свой репродуктивный период, автор делает два основных вывода. Во-первых, женщины, не причисляющие себя ни к какой деноминации, регулярно «отстают» по итоговой рождаемости от тех, кто назвал свою церковную принадлежность во время опроса (независимо от того, посещают ли они регулярно богослужения). Во-вторых, у более молодых групп женщин различия по итоговой рождаемости между посещающими богослужения и не посещающими, но причисляющими себя к церкви, возрастают. То есть значимость именно личной религиозности

53. Peri-Rotem, N. (2016) "Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands", *European Journal of Population* 32: 231–265.

в противовес формальной принадлежности к какой-либо конфессии — это демографическая «инновация», наблюдаемая у более молодых поколений⁵⁴.

Аналогичные выводы делает Т. Бодэн⁵⁵ для Франции на основе опроса, проведенного там в 2008 г. (в анализ включаются только женщины, определившие себя как католички и как неверующие). При этом самоидентификация женщины как верующей, а также религиозность ее родителей значимой связи с количеством детей не демонстрируют. Отсутствие значимой связи числа детей у женщины с религиозностью ее родителей хорошо согласуется с представлениями о том, что в контексте Второго демографического перехода репродуктивное поведение в большой мере является предметом личного выбора, а не воспроизводит установки, воспринятые от старших родственников.

Особый интерес представляет исследование А. Адсеры⁵⁶, где связь рождаемости с личной религиозностью женщины исследуется для Испании последней четверти XX в. Как известно, с началом демонтажа режима Франко после его смерти в 1975 г. социально-политическая роль Католической церкви в Испании стала заметно падать. Это позволяло ожидать и снижения роли церкви как регулятора в семейной сфере, в том числе и в сфере рождаемости, которая, напомним, в Испании начиная с 1970-х гг. стремительно снижалась (см. рис. 2). Исследование, основанное на двух опросах женщин репродуктивного возраста, проведенных

54. Отметим, что при исследовании связи между личной религиозностью респондента и характеристиками его репродуктивного поведения всегда имеется один риск: эта связь а priori может иметь разные «направления». Например, может оказаться, что более высокая рождаемость у религиозных людей наблюдается не из-за ценности деторождения, устанавливаемой религией, а потому, что после рождения определенного числа детей люди оказываются более склонными к соблюдению каких-либо религиозных практик (например, ради воспитания детей в духе религии). Для отдельных стран, однако, было показано, что «обратная» причинная интерпретация, скорее всего, не верна. Так, К. Бергхаммер (Berghammer, С. (2012) "Church Attendance and Childbearing: Evidence From a Dutch Panel Study, 1987–2005", *Population Studies* 66(2): 197–212) на примере лонгитюдного опроса, проведенного в Нидерландах, демонстрирует, что в этой стране частота посещений религиозных служб, сообщенная в одной «волне» исследования, позитивно связана с количеством детей, родившихся впоследствии у респондента; однако у респондентов не наблюдается повышенная вероятность начать (чаще) посещать богослужения после рождения ребенка.

55. Baudin, Т. (2015) "Religion and Fertility: The French Connection", *Demographic Research* 32(13): 397–420.

56. Adsera, А. (2006) "Marital Fertility and Religion in Spain, 1985 and 1999", *Population Studies* 60(2): 205–221.

в 1985 и 1999 гг., показало, что доля женщин, заявивших, что регулярно посещают богослужения, между этими опросами заметно снизилась: в 1985 г. таковых было 61,2%, а в 1999 г. — только 43,2%. Одновременно в 1999 г. было выявлено значимо большее число детей у католичек, посещающих богослужения, по сравнению с теми, кто, относя себя к церкви, богослужения регулярно не посещал; в 1985 г. значимых различий между данными группами не было. То есть по мере того, как участие в церковных ритуалах делалось предметом личного выбора, а не требованием, навязанным извне, важным для рождаемости становился именно этот выбор, а не номинальная принадлежность к церкви.

В странах, в которых одновременно несколько деноминаций имеют значительное число последователей, можно было не только проследить рост значения личной религиозности женщины для числа рожденных у нее детей, но и оценить, сохраняются ли на этом фоне различия по рождаемости между женщинами, принадлежащими разным конфессиям, вне зависимости от того, в какой мере они соблюдают требования религии. В статье К. Бергхаммер⁵⁷ эти вопросы рассматриваются на примере Нидерландов для женщин 1937–1979 гг. рождения. Автор концентрируется на вероятности рождения у женщины третьего ребенка, исходя из гипотезы, что многодетность более ожидаема в религиозных семьях. Различия по этому параметру между женщинами разных конфессий оказались значимыми: наименьшая вероятность рождения третьего ребенка была у католичек, выше — у представительниц Голландской реформатской церкви, еще выше — у кальвинисток. Однако с частотой посещения богослужений вероятность рождения третьего ребенка имеет сильную позитивную связь во всех конфессиях. При этом у женщин 1955–1979 гг. рождений эта связь сильнее, чем у более старших женщин, то есть вновь наблюдается рост роли личной религиозности, в противовес конфессиональной принадлежности, для рождаемости в молодых поколениях.

Общая черта описанных исследований состоит в том, что они, принимая во внимание градацию по степени религиозности тех женщин, которые заявили о своей принадлежности к какой-либо конфессии, не проводят никаких разделений среди женщин, не указавших на свою принадлежность к какой-либо

57. Berghammer, C. (2009) "Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands", *European Journal of Population* 25(3): 297.

церкви в ходе опроса. Всем таким женщинам по умолчанию приписывается низшая степень личной религиозности. Исключение составляет исследование Л. Дилмагани⁵⁸, основанное на трех опросах женщин в Канаде, проведенных в 1985, 2001 и 2011 гг. (в анализ включались только женщины старше 40 лет). Наряду с женщинами, регулярно посещающими богослужения, автор выделяет женщин, которые (1) считают себя принадлежащими какой-то конфессии, но не посещают богослужений; (2) не относят себя ни к какой конфессии, признают, что индивидуально практикуют молитву, медитацию и т.д.; (3) не относят себя ни к какой конфессии и не имеют подобных индивидуальных практик («чистые» атеисты). У женщин, посещающих богослужение, число родившихся детей к возрастам 40+ значительно выше, чем у всех трех этих групп, но у женщин первых двух групп оно, в свою очередь, значительно выше, чем у «чистых» атеистов.

Личная религиозность, репродуктивные идеалы и намерения

По мере того как контроль рождаемости широко внедрился в развитых странах, актуальность приобрел вопрос влияния религии не только на фактическую рождаемость, но также на представления об идеальном количестве детей и на репродуктивные планы. Исследования показали, что и здесь в конце XX в. конфессиональная принадлежность уступала роли личной религиозности.

В статье Д. Филиппова и К. Бергхаммер⁵⁹ связь репродуктивных идеалов и намерений с религиозными факторами исследуется на данных опросов *Family and Fertility Survey*, проведенных в конце 1980-х — 1990-е гг. в 19 европейских странах. Анализ показал, что респонденты, причисляющие себя к какой-либо христианской конфессии, в большинстве стран значительно превосходят тех, кто заявил о своей непринадлежности к церкви, и по количеству детей, которое считают идеальным, и по доле тех, кто планирует завести второго ребенка (среди однопородных). Кроме того, в 17 из 19 исследуемых стран (за исключением Болгарии и Латвии) у респондентов, посещающих богослужения хотя бы раз

58. Dilmaghani, M. (2019) "Religiosity, Secularity and Fertility in Canada", *European Journal of Population* 35(2): 403–428.

59. Philippov, D., Berghammer, C. (2007) "Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: A Comparative Study of European Countries", *Vienna Yearbook for Population Research* 5: 271–305.

в месяц, идеальное число детей оказалось значимо больше, чем у тех, кто бывает в церкви реже одного месяца или вовсе не посещает богослужений. То есть для идеалов и намерений важна как конфессиональная принадлежность, так и личная религиозность респондента.

А. Адсера⁶⁰ на материале опроса, проведенного в 13 развитых странах в 1994 г. в рамках *International Social Survey Program*, прослеживает значение религии для представлений об идеальном числе детей. Практически во всех странах, причем как среди женщин, так и среди мужчин, число детей, названное при опросе как идеальное, значимо выше у тех, кто еженедельно посещает богослужения, по сравнению с теми, кто посещает их реже, чем один раз в неделю, или вовсе не причисляет себя к какой-либо церкви. Более разнообразную картину дает сравнение «внецерковных» респондентов и тех, кто относит себя к какой-либо церкви, но не посещает еженедельно богослужения. Идеальное число детей у вторых значимо выше, чем у первых, только в странах, где имеется по несколько крупных христианских деноминаций (в Австралии, Нидерландах, США); в других странах, включенных в исследование, значимых различий между этими группами не обнаружено. Именно в поликонфессиональной среде, делает вывод автор, сама по себе принадлежность индивида к какой-либо церкви, независимо от степени соблюдения им религиозных практик, может оказаться важным для его репродуктивных идеалов. Кроме того, автор замечает, что у респондентов моложе 30 лет между «внецерковными» респондентами и теми, кто посещает богослужения реже раза в неделю, различия по идеальному числу детей слабее, чем у респондентов старше 30 лет. Напротив, различия между «внецерковными» и еженедельно посещающими богослужения остаются существенными и среди молодежи.

Недавнее исследование роли религии в формировании репродуктивных намерений, охватившее восемь стран Западной, Центральной и Восточной Европы (включая Россию) и основывающееся на данных опросов *Generations and Gender Survey*, проведенных в 2002–2016 гг.⁶¹, отличается тем, что вводит «тройную» градацию респондентов по религиозности: различаются (1) ре-

60. Adsera, A. (2006) "Religion and Changes in Family-Size Norms in Developed Countries", *Review of Religious Research* 47(3): 271–286.

61. Buber-Ennser, I., Berghammer, C. (2021) "Religiosity and the Realization of Fertility Intentions: a Comparative Study of Eight European Countries", *Population, Space and Place*.

спонденты, не относящие себя ни к какой конфессии; (2) относящие себя к какой-либо конфессии, но не посещающие регулярно богослужений; (3) посещающие богослужения хотя бы раз в месяц (напомним, что похожие противопоставления проводились в ряде исследований фактической рождаемости). Статистическая модель, построенная для объединенной выборки мужчин и женщин восьми стран, показывает, что у первой группы вероятность иметь намерения завести ребенка в ближайшие три года значимо ниже, чем у второй, а у второй — значимо ниже, чем у третьей.

Механизмы взаимосвязи личной религиозности и рождаемости

Выше в этом разделе мы видели, что исследования последних десятилетий достаточно убедительно показали влияние факторов личной религиозности индивида на его репродуктивное поведение. Вопрос о механизмах такого влияния, однако, пока во многом открыт. Остается неясным, изменились ли механизмы влияния религиозных факторов на рождаемость, когда ключевыми из этих факторов, вместо принадлежности к какой-либо конфессии, стали особенности индивидуального религиозного поведения. Здесь мы ограничимся кратким рассмотрением некоторых имеющихся подходов к исследованию данной проблемы, до решения которой на данный момент довольно далеко.

Некоторые авторы делают попытку объяснить взаимосвязь личной религиозности и рождаемости через *гендерные отношения*. Исследования по развитым странам показывают, что более глубокая личная религиозность коррелирует у их жителей с более традиционными идеалами гендерных отношений, при которых мужчине отводится роль «добытчика», а женщине — роль матери и хранительницы очага (как было отмечено выше, снижение рождаемости в развитых странах в период Второго демографического перехода объяснялось, среди прочего, размыванием именно этих гендерных асимметрий)⁶². Однако попытки свести различия

62. О корреляции религиозности с семейным «традиционализмом» см., напр., Call, V. R. A., Heaton, T. B. (1997) "Religious Influence on Marital Stability", *Journal for the Scientific Study of Religion* 36(3): 382–392; Thornton, A., Axinn, W. G., Hill, D. H. (1992) "Reciprocal Effects of Religiosity, Cohabitation, and Marriage", *American Journal of Sociology* 98(3): 628–651; Goldschedier, F., Goldscheider, C., Rico-Gonzalez, A. (2014) "Gender Equality in Sweden: are the Religious More Patriarchal?", *Journal of Family Issues* 35(7): 892–908.

по рождаемости между людьми с разным уровнем религиозности к различиям их гендерных идеалов оказываются проблемными по ряду причин.

Прежде всего, статистический анализ показывает, что личная религиозность индивида и его взгляды на гендерные отношения могут независимо друг от друга влиять на рождаемость (или на репродуктивные намерения/идеалы). В работе С. Хэйфорд и С. Моргана⁶³, например, это продемонстрировано на основе опроса женщин США (*National Survey of Family Growth*), проведенного в 2002 г. Авторы показывают, что планируемое женщиной число детей положительно связано и с личной религиозностью женщины (определяемой через ответ женщин на вопрос, важна ли для них религия), и с «традиционностью» ее представлений о гендерных и, шире, семейных отношениях (эти представления определяются в работе единым индексом, вычисляемым на основе ответов на большую группу вопросов о семейных отношениях, включая вопросы о приемлемости внебрачной рождаемости, однополых браков, равного участия мужа и жены в трудовой деятельности и т. д.). Существенно, что при включении в статистическую модель параметров, характеризующих представления женщины об идеальных гендерных отношениях, параметр личной религиозности сохраняет свою значимость для планируемого числа детей. Следовательно, влияние религиозности на репродуктивные планы имеет и какие-то другие механизмы, не связанные с гендерными факторами.

Кроме того, при одновременном анализе данных разных стран оказывается, что страны могут отличаться по взаимосвязи гендерных отношений, религии и рождаемости, как это видно, например, из статьи К. Байна и др.⁶⁴ Центральная гипотеза авторов состоит в том, что идеальное число детей имеет более сильную позитивную связь с личной религиозностью индивида в тех странах, где сильнее гендерные асимметрии. Если в некоторой стране гендерные асимметрии, предусматривающие для женщины по преимуществу роль домохозяйки и матери, доминируют в общественном мнении и/или поддерживаются социальной политикой, гендерные установки религиозных людей как бы попадают

63. Hayford, S. R., Morgan, S. P. (2008) "Religiosity and Fertility in the United States: The Role of Fertility Intentions", *Social Forces* 86(3): 1163–1188.

64. Bein, C., Gauthier A. H., Mynarska, M. (2020) "Religiosity and Fertility Intentions: Can the Gender Regime Explain Cross-Country Differences?", *European Journal of Population* 37: 443–472.

«в резонанс» с внешней средой и дополнительно укрепляются, влияя и на их представления об идеальном числе детей. Чтобы проверить эту гипотезу, авторы анализируют результаты опроса *Generation and Gender Survey* в 12 европейских странах, где данный опрос (его первая волна) был проведен между 2004 и 2013 гг. Измеряя личную религиозность как частоту посещения богослужений, авторы отмечают, что среди мужчин положительная связь между личной религиозностью и идеальным числом детей статистически значима в Болгарии, России, Франции, Румынии, Польше и Чехии, а среди женщин — в Болгарии, России, Германии, Болгарии, Австрии, Польше и Чехии. Отличаются ли эти страны от других исследуемых стран более жесткими гендерными асимметриями? Чтобы ответить на этот вопрос, авторы используют два «измерителя» гендерных отношений в стране. Во-первых, это результаты ответов на вопросы того же социологического исследования, связанные с гендерными предпочтениями (предпочитают ли респонденты видеть в роли политических лидеров мужчин; считают ли нежелательной ситуацию, когда жена зарабатывает больше мужа, и др.). Во-вторых, это один из индексов, сопоставляющих страны по перспективам женщин на рынке труда. При использовании двух этих параметров оказывается, что при более жестких гендерных асимметриях в стране усиливается позитивная связь между религиозностью и идеальным числом детей среди мужчин, но не среди женщин. В поисках объяснения этому результату авторы замечают, что в странах, в которых государство и общество в высокой степени поддерживают симметричные гендерные отношения, в частности, в Германии и Швеции, церкви в последние десятилетия также перешли к поддержке доктрин гендерного равенства. Тем самым мужчины, характеризующиеся личной религиозностью, в таких странах, в отличие от стран с более традиционными гендерными отношениями, не получают со стороны церкви доктринальной поддержки своей установки на более высокую рождаемость. С отсутствием такой доктринальной поддержки в странах с высоким уровнем гендерного равенства могут, очевидно, сталкиваться и женщины с высоким уровнем религиозности, однако у женщин в таких странах это обстоятельство «уравновешивается» имеющимися там возможностями совмещать работу с материнством. Наличие таких возможностей служит повышению желаемого числа детей, в том числе у религиозных женщин. Тем самым религиозные женщины, в отличие от мужчин, получают ту

или иную поддержку своих репродуктивных намерений в странах независимо от доминирующих там взглядов на гендерные отношения.

В еще одном недавнем исследовании⁶⁵ авторы анализируют индивидуальные данные респондентов *European Values Survey* из 17 стран Западной, Центральной, Южной и Северной Европы («волны» 1990, 1999 и 2008 гг.). На основе ответов на несколько вопросов анкеты каждому респонденту приписывается некоторое значение параметра, характеризующего его религиозность, и параметра, характеризующего его взгляд на гендерные отношения. Обнаруживается, что почти ни в одной из исследуемых стран нет «прямой» статистической связи между взглядами респондентов на гендерные отношения и количеством их детей. Универсальной для исследуемых стран является следующая «цепочка» статистически значимых связей: при бóльшей религиозности ожидается ориентация индивида на более асимметричные гендерные отношения; при ориентации индивида на более асимметричные гендерные отношения более вероятно, что женщина в семье этого респондента не работает за пределами домохозяйства; если женщина не работает за пределами домохозяйства, у нее ожидается большее число детей. Однако в странах Северной Европы доля неработающих женщин крайне мала, и поэтому там эта цепочка не ведет к асимметриям по рождаемости между респондентами с разным уровнем религиозности. То есть традиционно ожидаемая связь между религией и рождаемостью «ломается» при наличии в социуме таких условий, при которых женщины и мужчины, независимо от их ценностных ориентаций, поставлены в одинаковое социальное положение.

Подобные исследования, с одной стороны, показывают, что учет гендерных факторов при анализе связи личной религиозности и рождаемости необходим. С другой стороны, однако, эта связь оказывается достаточно сложной, варьирует от страны к стране. Ожидание, что на гендерные факторы можно полностью «списать» различия по рождаемости между индивидами с разным уровнем личной религиозности, в целом плохо соответствует реальности.

Ряд исследователей предпринимал попытки изучить *особенности ранней социализации* индивидов, отличающихся личной

65. Guetto, R., Luijckx, R., Sherer, S. (2015) "Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labor Market Participation and Fertility in Europe", *Acta Sociologica* 58(2): 155–172.

религиозностью, и на этой основе объяснить более высокую рождаемость в таких группах населения. Предполагается, что более религиозные люди, в общем случае, воспитывались в более религиозных семьях и во взрослой жизни следуют тем «стандартам» репродуктивного поведения, которые они восприняли от родителей. В некоторых исследованиях эта гипотеза нашла подтверждения. Например, в уже упомянутой работе К. Бергхаммер⁶⁶ на примере Нидерландов показано, что имеется положительная связь между вероятностью рождения у женщины третьего ребенка и тем, насколько, по ее оценке, важным было место религии в семье, в которой она воспитывалась. Однако в исследованиях, выполненных для ряда других стран, зависимость такого рода не прослеживается. Так, в рассмотренной выше работе Т. Бодэна⁶⁷ демонстрируется, что во Франции количество детей у женщин, воспитывавшихся в религиозных католических семьях, не имеет значимых отличий от женщин, определивших свою родительскую семью как нерелигиозную. В недавнем исследовании рождаемости в Северной Ирландии⁶⁸ показано, что различия по количеству детей между практикующими католиками и теми, кто получил в семье католическое воспитание, но в данный момент не относит себя к церкви, больше, чем между католиками и протестантами. То же верно относительно практикующих и «бывших» протестантов в Северной Ирландии. В целом отсутствие значимой связи числа детей у женщины с религиозностью ее родителей хорошо согласуется с представлениями о том, что в контексте Второго демографического перехода репродуктивное поведение в большой мере является предметом личного выбора, а не воспроизводит установки, воспринятые от старших родственников.

* * *

Подведем итог. Во второй половине XX — начале XXI в. в развитых странах параллельно произошли существенные сдвиги и в характеристиках репродуктивного поведения населения, и в про-

66. Berghammer C. "Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands".

67. Baudin, T. "Religion and Fertility: The French Connection".

68. McGregor, P., McKee, P. (2016) "Religion and Fertility in Contemporary Northern Ireland", *European Journal of Population* 32(4): 599–622.

блематике исследований связи рождаемости с религиозными факторами. Второй демографический переход — комплексная демографическая трансформация, имевшая место в развитых странах в рассматриваемый период — знаменовался не только снижением уровня рождаемости, но и значительной «индивидуализацией» репродуктивного поведения.

Если вслед за исследователями Второго демографического перехода принять, что в его основе были ценностные сдвиги в сторону большего индивидуализма, приоритета самореализации над выполнением неких социальных «нормативов» в сфере семьи, то естественно ожидать, что роль религиозных факторов для рождаемости в результате этой трансформации снизилась. Однако реальность оказалась сложнее. В ходе Второго демографического перехода, как показали исследования, межконфессиональные различия по рождаемости, действительно, уменьшались. Однако одновременно увеличилось значение личной религиозности человека для параметров его репродуктивного поведения. Неслучайно, что и в исследованиях значения религиозных факторов для рождаемости начиная с 1980-х гг. фокус стал смещаться именно к индивидуальным параметрам религиозности. Более высокая рождаемость среди более религиозного населения в развитых странах является одним из ключевых результатов исследований Второго демографического перехода.

Однако вряд ли этот результат позволяет говорить о том, что в изучении влияния религии на рождаемость в современных развитых странах на сегодня пора ставить точку. Можно выделить по крайней мере две проблемы, которые в рассмотренных нами исследованиях не получили решения, и, вообще говоря, довольно мало в них рассматривались.

Первая проблема касается параметров, используемых для «измерения» личной религиозности. Как мы видели, в современных исследованиях таких параметров очень немного; имеющиеся параметры основаны на ответах на вопросы количественных социологических исследований об отношении респондентов в религии, посещении ими богослужений и т.д. Адекватность такого «измерителя» личной религиозности, конечно же, дискуссионна⁶⁹. Достаточно сказать, что тема религии с большой вероятно-

69. Обсуждение разных способов «измерения» религиозности в количественных исследованиях см. в Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в количественных исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 30(2). С. 268–293.

стью относится к числу так называемых «чувствительных» тем, при ответах на вопросы о которых респондент может ориентироваться не на собственную позицию, а на взгляды, доминирующие в его социуме, что создает риски искажений в результатах опросов⁷⁰. Если в дальнейших количественных исследованиях для оценки личной религиозности респондентов будут использоваться какие-то более тонкие методы, вполне возможно, что и обнаруживаемая сегодня картина связи рождаемости с личной религиозностью несколько изменится.

Вторая проблема касается механизмов влияния личной религиозности на рождаемость. Они пока еще в значительной мере не вскрыты. Вероятно, что для продвижения к пониманию этого вопроса также потребуется «донастройка» имеющейся методики социологических исследований такого влияния.

Библиография / References

- Бродбери С., О'Рурк К. Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Том 2: 1870 — наши дни (пер. с англ.). М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
- Вишневский А. Г. Время демографических перемен. М.: Издательский дом ВШЭ, 2015.
- Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.
- Демографическая модернизация России: 1990–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое Издательство, 2006.
- Пруцкова Е. Операционализация понятия «религиозность» в количественных исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 30(2). С. 268–293.
- Adsera, A. (2006) “Marital Fertility and Religion in Spain, 1985 and 1999”, *Population Studies* 60(2): 205–221.
- Adsera, A. (2006) “Religion and Changes in Family-Size Norms in Developed Countries”, *Review of Religious Research* 47(3): 271–286.
- Agadjanian, V. (2001) “Religion, Social Milieu, and the Contraceptive Revolution”, *Population Studies* 55(2): 135–148.
- Agadjanian, V., Yabiku, S. T. (2014) “Religious Affiliation and Fertility in a Sub-Saharan Context: Dynamic and Lifetime Perspectives”, *Population Research and Policy Review* 33(5): 673–691.
- Baudin, T. (2015) “Religion and Fertility: The French Connection”, *Demographic Research* 32(13): 397–420.

70. Tourangeau, R., Yan, T. (2007) “Sensitive Questions in Surveys”, *Psychological Bulletin* 133: 859–883.

- Bein, C., Gauthier A.H., Mynarska, M. (2020) "Religiosity and Fertility Intentions: Can the Gender Regime Explain Cross-Country Differences?", *European Journal of Population* 37: 443–472.
- Berghammer, C. (2009) "Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands", *European Journal of Population* 25(3): 297–324.
- Berghammer, C. (2012) "Church Attendance and Childbearing: Evidence From a Dutch Panel Study, 1987–2005", *Population Studies* 66(2): 197–212.
- Bhrolcháin, M.N. (1992) "Period paramount?", *Population and Development Review* 18(4): 599–629.
- Bongaarts, J., Watkins, S.C. (1996) "Social Interaction and Contemporary Fertility Transition", *Population and Development Review* 22: 639–682.
- Brañas-Garza, P., Neuman, S. (2007) "Parental Religiosity and Daughter's Fertility: the Case of Catholics in Southern Europe", *Review of Economics of Household* 5: 305–327.
- Broadberry, S. O'Rourke, K.H. (2010) *The Cambridge Economic History of Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buber-Ennsner, I., Berghammer, C. (2021) "Religiosity and the Realization of Fertility Intentions: a Comparative Study of Eight European Countries", *Population, Space and Place*.
- Burch, T.K. (1966) "The Fertility of North American Catholics: A Comparative Overview", *Demography* 3: 174–187.
- Call, V.R. A., Heaton, T.B. (1997) "Religious Influence on Marital Stability", *Journal for the Scientific Study of Religion* 36(3): 382–392.
- Coale, A.J. (1973) "The Demographic Transition", *Proceedings of the IUSSP Conference*, pp. 177–211. Liege: Ordina Editionis.
- Coleman, D. (2004) "Why We Don't Have to Believe Without Doubting in the "Second Demographic Transition - Some Agnostic Comments", *Vienna Yearbook for Population Research* 2: 11–24.
- Crook, N. (1978) "On Social Norms and Fertility Decline", *The Journal of Development Studies* 14(4): 198–210.
- Davie, G. (2002) "Praying Alone? Church-Going in Britain and Social Capital: a Reply to Steve Bruce", *Journal of Contemporary Religion* 17(3): 329–334.
- Day, L.H. (1968) "Natality and Ethnocentrism: Some Relationships Suggested by an Analysis of Catholic-Protestant Differentials", *Population Studies* 22: 27–50.
- Dilmaghani, M. (2019) "Religiosity, Secularity and Fertility in Canada", *European Journal of Population* 35(2): 403–428.
- Esteve, A., Lesthaeghe, R., López-Gay, A. (2012) "The Latin American Cohabitation Boom", *Population and Development Review* 38(1): 55–81.
- Frejka, T., & Westoff, Ch. (2008) "Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe", *European Journal of Population* 24(1): 5–31.
- Goldschedier, F., Goldscheider, C., Rico-Gonzalez, A. (2014) "Gender Equality in Sweden: are the Religious More Patriarchal?", *Journal of Family Issues* 35(7): 892–908.
- Goldscheider, C. (1967) "Fertility of the Jews", *Demography* 4(1): 196–209.
- Goldscheider, C. (1971) *Population, Modernization, and Social Structure*. Boston: Little, Brown and Company.
- Goldscheider, C. (2006) "Religion, Family, and Fertility: What do We Know Historically and Comparatively?", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 41–57. Springer.

- Goldscheider, C., Mosher, W. D. (1991) "Patterns of Contraceptive Use in the United States: The Importance of Religious Factors", *Studies in Family Planning* 22(2): 102–115.
- Goldscheider, C., Uhlenberg, P. R. (1969) "Minority Group Status and Fertility", *American Journal of Sociology* 74(4): 361–372.
- Guetto, R., Luijckx, R., Sherer, S. (2015) "Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labor Market Participation and Fertility in Europe", *Acta Sociologica* 58(2): 155–172.
- Hayford, S. R., Morgan, S. P. (2008) "Religiosity and Fertility in the United States: The Role of Fertility Intentions", *Social Forces* 86(3): 1163–1188.
- Heaton, T. B. (1986) "How Does Religion Influence Fertility? The Case of the Mormons", *Journal for the Scientific Study of Religion* 25: 248–258.
- Johnson, N. E. (1993) "Hindu and Christian Fertility in India: A Test of Three Hypotheses", *Social Biology* 40(1–2): 87–105.
- Kaufmann, E. (2010) *Shall the Religious Inherit the Earth? Demography and Politics in the Twenty-First Century*. London: Profile Books.
- Kaufmann, E., Goujon, A., Skirbekk, V. (2012) "The End of Secularization in Europe? A Sociodemographic Perspective", *Sociology of Religion* 73: 69–91.
- Knodel, J. E., Gray, R. S., Sriwatcharin, P., Peracca, S. (1999) "Religion and Reproduction: Muslims in Buddhist Thailand", *Population Studies* 53(2): 149–164.
- Kulu, H., Milewski, N., Hannemann, T., Mikolai, J. (2019) "A Decade of Life-Course Research on Fertility of Immigrants and Their Descendants in Europe", *Demographic Research* 40: 1345–1374.
- Lambert, Y. (2004) "A Turning Point in Religious Evolution in Europe", *Journal of Contemporary Religion* 19(1): 29–45.
- Lehrer, E. L. (1996) "Religion as a Determinant of Marital Fertility", *Journal of Population Economics* 9(2): 173–196.
- Lesthaeghe, R. (1980) "On the Social Control of Human Reproduction", *Population and Development Review* 6(4): 527–548.
- Lesthaeghe, R. (1995) "The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation", in O. Mason, A.-M. Jensen (eds) *Gender and Family Change in Industrialized Countries*, pp. 17–62. Oxford, Clarendon Press.
- Lesthaeghe, R. (2010) "The Unfolding Story of the Second Demographic Transition", *Population and Development Review* 36(2): 211–251.
- Marcum, J. P. (1981) "Explaining Fertility Differentials among U.S. Protestants", *Social Forces* 60(2): 532–543.
- McGregor, P., McKee, P. (2016) "Religion and Fertility in Contemporary Northern Ireland", *European Journal of Population* 32(4): 599–622.
- McQuillan, K. (2004) "When Does Religion Influence Fertility?", *Population and Development Review* 50(1): 25–56.
- Montgomery, M., Casterline, J., Heiland, F. (1998) *Social Networks and the Diffusion of Fertility Control*. New York, NY: Population Council.
- Montgomery, R., Casterline J. B. (1996) "Social Learning, Social Influence, and New Models of Fertility", *Population and Development Review* 22: 151–175.
- Mosher, W., Hendershot, G. (1984) "Religion and Fertility: a Replication", *Demography* 21: 185–191.
- Mosher, W. D., Johnson, D. P., Horn, M. C. (1986) "Religion and Fertility in the United States: The Importance of Marriage Patterns and Hispanic Origin", *Demography* 23(3): 367–380.

- Mosher, W. D., Williams, L. B., Johnson, D. P. (1992) "Religion and Fertility in the United States: New Patterns", *Demography* 29(2): 199–214.
- Norris, P., Inglehart, R. (2004) *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide*. Cambridge: Cambridge University.
- Notestein, F. W. (1945) "Population: The Long View", in Th. W. Schultz (ed.) *Food for the World*, pp. 36–57. Chicago: University of Chicago Press.; Coale, A., Watkins, S. C. (eds) (1986) *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton University Press, Princeton.
- O'Grada, C., Walsh, B. (1995) "Fertility and Population in Ireland, North and South", *Population Studies* 49(2): 259–279.
- Perelli-Harris, B. (2011) "Non-Marital Fertility in Russia: Second Demographic Transition or Patterns of Disadvantage", *Demography* 48(1): 317–342.
- Peri-Rotem, N. (2016) "Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands", *European Journal of Population* 32: 231–265.
- Philipov, D. (2017) "Rising Dispersion of Age at First Birth in Europe: is It Related to Fertility Postponement?", *Vienna Institute of Demography Working Papers* 11.
- Philippov, D., Berghammer, C. (2007) "Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: A Comparative Study of European Countries", *Vienna Yearbook for Population Research* 5: 271–305.
- Prutskova, E. (2012) "Operatsionalizatsiia poniatiia "religioznost'" v kolichestvennykh issledovaniyakh" [Operationalisation of the concept 'religiosity' in quantitative studies], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 3(30): 268–293.
- Ryder, N. B., Westoff, C. F. (1971) *Reproduction in the United States: 1965*. Princeton: Princeton University Press.
- Sander, W. (1992) "Catholicism and the Economics of Fertility", *Population Studies* 46(3): 477–489.
- Schellekens, J., van Poppel, F. (2006) "Religious Differentials in Marital Fertility in The Hague (Netherlands), 1860–1909", in R. Derosas, F. van Poppel (eds) *Religion and the Decline of Fertility in the Western World*, pp. 59–81. Springer.
- Sherkat, D. E. (2000) "That They be Keepers of the Home: The Effect of Conservative Religion on Early and Late Transition into Housewifery", *Review of Religious Research* 41(3): 344–358.
- Surkyn, J., Lesthaeghe, R. (2004) "Values Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update", *Demographic Research* 3(3): 45–86.
- Thornton, A. (1979) "Religion and Fertility: The Case of Mormonism", *Journal of Marriage and the Family* 41(1): 131–142.
- Thornton, A., Axinn, W. G., Hill, D. H. (1992) "Reciprocal Effects of Religiosity, Cohabitation, and Marriage", *American Journal of Sociology* 98(3): 628–651.
- Tourangeau, R., Yan, T. (2007) "Sensitive Questions in Surveys", *Psychological Bulletin* 133: 859–883.
- Van Bavel, J. Reher, D. D. (2013) "The Baby Boom and Its Causes: What We Know and What We Do Not Know", *Population and Development Review* 39(2): 257–288.
- Van Bavel, J., et al. (2018) "Seeding the Gender Revolution: Women's Education and Cohort Fertility Among the Baby Boom Generations", *Population Studies* 72(3): 283–304.
- Van De Kaa, D. J. (1987) "Europe's Second Demographic Transition", *Population Bulletin* 42(1): 1–59.

- Vishnevsky, A. G. (2015) *Vremia demograficheskikh peremen* [Time of demographic changes]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics.
- Vishnevsky, A. G. (2019) *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya* [Demographic history and demographic theory]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics.
- Vishnevsky, A. G. (ed.) (2006) *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1990-2000* [Demographic Modernization of Russia: 1990–2000]. M.: Novoe Izdatel'stvo.
- Westoff, C., Potter, R. G., Jr., Sagi, P. C. (1964) "Some Selected Findings of the Princeton Fertility Study: 1963", *Demography* 1: 130–135.
- Westoff, C. F., Jones, E. F. (1979) "The End of 'Catholic' fertility", *Demography* 76(2).
- Whelpton, P. K., Campbell, A. A., Patterson, J. E. (1966) *Fertility and Family Planning in the United States*. Princeton: Princeton University Press.
- Williams, L. B., Zimmer, B. G. (1990) "The Changing Influence of Religion on US fertility: Evidence from Rhode Island", *Demography* 27(3): 475–481.
- Yeatman, S. E., Trinitapoli, J. (2008) "Beyond Denomination: The Relationship Between Religion and Family Planning in Rural Malawi", *Demographic Research* 19: 1851–1882.